

Говард Филлипс Лавкрафт

Кошмары Рэд Хука

(The Horror at Red Hook)

Нас окружают таинства добра и зла. Насколько я понимаю, мы пребываем в неизвестном нам мире. В мире, где в далеком прошлом его обитатели жили во мраке пещеры. Возможно, человек когда-нибудь вернется на путь естественной эволюции, и, по моему убеждению, ученость чернокнижников еще не умерла.

Артур Мэйчен

Несколько недель назад на углу улицы в поселке Паскоаг, на Роуд-Айленде, произошел необычный случай. Высокий, крепкого телосложения, пышущий здоровьем мужчина заставил прохожих призадуматься над своим странным поведением. Как оказалось, он шел из Чепачета по дороге, спускающейся с холма. Дойдя до делового центра, он свернул налево, на оживленную главную улицу с кварталами офисов непритязательного вида, слегка напоминающими городские. В том самом месте, без каких-либо видимых причин, с ним и произошел этот удививший всех казус. Уставившись странным образом на самое высокое из стоящих перед ним зданий, он вдруг, как безумный, бросился бежать с истерическими воплями, споткнулся и упал на следующем перекрестке. Ему помогли подняться, услужливые руки с готовностью стряхнули с него пыль. Он был в полном сознании, практически без ушибов, в тот же момент избавился от своего неожиданного нервного припадка. Со смущением на лице он пробормотал какие-то объяснения вроде того, что последнее время сильно переутомился, с опущенным взглядом уныло потащился по дороге в Чепачет и вскоре исчез из вида, так и не оглянувшись. Это был очень необычный случай, приключившийся с таким крупным, дюжим, нормального вида господином. И необычность эта не уменьшилась от того, что один из присутствующих узнал в нем квартиранта известного владельца молочной фермы из предместья Чепачета.

Он был, как впоследствии оказалось, полицейским детективом из Нью-Йорка по имени Томас Ф. Малоун. А здесь он находился в длительном отпуске на лечении после невероятно напряженной работы по расследованию одного происшествия, ставшего весьма драматичным в связи с несчастным случаем. Дело в том, что в городе произошел обвал нескольких старых кирпичных зданий во время полицейской облавы, в которой он принимал участие. Погибло очень много людей, в том числе и его сослуживцев, что не могло не повлиять на его психику. В результате у него появился сильный необъяснимый страх перед любыми зданиями, даже отдаленно напоминающими те, рухнувшие, так что, в конце концов, психиатры запретили ему на неопределенное время видеть их. Полицейский хирург, у которого в Чепачете жили родственники, предложил ему поехать в эту затейливую деревушку с деревянными домами колониальных времен как в

идеальное место для поправки его душевного здоровья. Именно туда страдалец и отправился, обещав, что никогда не отважится появиться на улицах с кирпичными строениями, пока ему не разрешит доктор из Вунсокета, который его пользовал. Эта злосчастная прогулка в Паскоаг за журналами была ошибкой, за которую пациент расплатился страхом, синяками и унижением за свое непослушание.

Вот такие слухи ходили в Чепачете и Паскоаге. В это верили многие психиатры. Поначалу Малоун значительно сильнее доверял докторам, но вскоре положил конец своим рассказам, когда понял, что они сомневаются в истинности услышанного и что его удел — полный скептицизм. С той поры он вообще замолчал и перестал выражать какие-либо протесты, когда специалисты пришли к единому соглашению, что разрушение зданий в районе Бруклина Рэд-Хук и связанная с этим гибель его товарищей, храбрых полицейских, не могла лишить его нервного спокойствия. Они уверяли его, что он слишком много работал, наводя порядок в злых местах; без сомнения, он переутомился, и неожиданная трагедия оказалась последней каплей. Так нашлось простое объяснение, которому каждый мог поверить, а так как Малоун не был человеком наивным, он понял, что лучше сделать вид, будто подобное объяснение его вполне устраивает. Дать понять людям, лишенным воображения, обо всех ужасах, которые он пережил и которые выше человеческого понимания, — о тех прокаженных домах, кварталах и целых городах, населенных злом, дошедшим до нас из более древних миров, — все равно, что остаться в психиатрической лечебнице, в палате, обитой войлоком, вместо успокоительной деревенской жизни. А Малоун был человеком здравого рассудка, несмотря на свой мистицизм. Он обладал проницательностью кельта на всякие предсказания и острым зрением логика на то, что внешне казалось неубедительным. У него были разносторонние интересы, и в свои сорок два года он оказался далеко от дома. Куда только не забрасывала его жизнь. Для человека, родившегося в небольшом особняке около Феникс-парка в штате Джорджия и закончившего Дублинский университет, он повидал, несомненно, много.

И теперь, когда он вспоминал прошлое, все, что увидел, почувствовал и постиг, Малоун был доволен, что тайная причина того, каким образом он из неустрашимого человека превратился в дряблого невротика, так и останется тайной, а также и то, что старые кирпичные трущобы и моря угрюмых, мрачных лиц стали являться ему в ночных кошмарах, как некое жуткое предостережение. Так случалось уже не впервые, когда его ощущения вынужденно оставались необъясненными — ибо разве не был сам факт его погружения в многоязычную пропасть нью-йоркского "дна" причудой сверх всякого разумного объяснения? Что он мог сказать, глядя на этот раскаленный котел, где варится разнообразное отвратительное отребье, нагнетая злобу и наводя на всех отвратительный страх? Он видел адское зеленое пламя сокровенного чуда в этом вульгарном и неразличимом хаосе явной, бросающейся в глаза алчности и духовного падения и мягко улыбался, когда все знакомые насмехались над его экспериментом в работе полиции. Они были очень остроумными и циничными в своих издевательствах по поводу его удивительного желания раскрыть непостижимый смысл окружающих явлений и заверили его, что Нью-Йорк — это вместилище порока и пошлости. Один из них даже заключил с ним пари на крупную сумму, что он не сможет — несмотря на многие пикантные, к его чести, статьи в "Дублин Ревю" — написать действительно интересный

рассказ о жизни низших классов Нью-Йорка. И теперь, оглядываясь назад, он понял, что ирония судьбы подтвердила слова предсказателя. Омерзение, если взглянуть на него мельком, не может само по себе составить предмет рассказа — подобно книге, упомянутой немецким исследователем творчества Эдгара По, *es lasst sich nicht lesen* — "это невозможно читать".

Для Малоуна в жизни всегда существовало ощущение сокровенной тайны. В молодости он чувствовал скрытую красоту окружающего мира, и это вызывало у него прилив поэтического вдохновения. Он и был поэтом, но бедность, невзгоды и изгнание обратили его взор на более мрачные реалии, и он всегда испытывал трепет, когда обвинялось зло. Его повседневная жизнь превратилась в фантазмагорию жуткой неизвестности, она то становилась заманчивой и полной загадочного смысла, как в лучшей манере Бердслея, то обнажала ужасы за самыми простыми предметами и понятиями, напоминая более мрачные и менее тривиальные открытия Гюстава Доре. Он, бывало, рассматривал как божью милость тот факт, что большинство людей высокого интеллекта откровенно глумятся над самой возможностью существования тайны. Поскольку, приводил он свои доводы, если лучшие умы вступят в самый тесный контакт с дьявольскими силами, идущими от более древних и занимающих более низкое положение культов, перемены, произошедшие в результате подобного сговора, не только могут разрушить мир, но и будут угрожать целостности самой Вселенной.

Все эти размышления были, без сомнения, размышлениями человека с болезненным воображением, но непогрешимая логика и глубокое чувство юмора искусно скрывали это. Малоуну даже нравилось, что его понятия, представления, образ мыслей остаются как бы запрещенными, и этим слегка можно позабавиться. Истерия наступала у него только тогда, когда обязанности полицейского бросали его в ад откровений, открытий, слишком неожиданных и предательских, чтобы их можно было избежать.

Некоторое время его назначали в наряд на дежурство в полицейском участке на Батлер-Стрит в Бруклине. В это время произошла трагедия в Рэд-Хуке, которая привлекла его внимание. Рэд-Хук — это лабиринт убогих, заселенных разноязыким людом улочек около старого порта напротив Гаванэ-Айленд, с грязными шоссе, взбирающимися от пристаней вверх по холму к Клинтон и Кот-Стрит, сворачивающими на Барэ-Холл, с пришедшими в упадок домами по всей их протяженности. Дома в Рэд-Хуке по большей части были кирпичные, возведенные в период с первой четверти до середины девятнадцатого века, с ними соседствовали плохо освещенные переулки и уединенные тихие дворики, по-своему очаровательные. Так и хочется назвать их "диккенсоновскими". Население, проживающее здесь, безнадежно спутанный клубок, загадочное, непостижимое явление. Сирийцы, испанцы, итальянцы и негры находятся в постоянном столкновении друг с другом. А неподалеку расположены скандинавские и американские поселения; Рэд-Хук — это вавилонское столпотворение, разноголосый гомон и отвратительная грязь. Отовсюду доносятся резкие крики, заглушая плеск маслянистых волн, набегающих на заваленный отбросами пирс, и чудовищная огромная литания портового шума. Давным-давно здесь было все иначе — по чистым светлым нижним улицам гуляли ясноглазые моряки, а вдоль холма выстроились в ряд особняки состоятельных горожан, построенные с большим вкусом. Следы былой счастливой

жизни можно заметить по опрятным, сохранившимся в хорошем состоянии зданиям, редким изящным церквям, а свидетельства подлинного искусства — по отдельным деталям здесь и там: пролету лестницы с истертыми ступенями, разрушенному дверному проему, источенной червями паре декоративных колонн с пилястрами и чудом уцелевшей зеленой лужайке с покосившимся и проржавевшим железным забором. Дома обычно строились из крупных блоков, и сейчас еще кое-где поднимаются ввысь купола зданий, некогда принадлежащих капитанам и владельцам морских судов. Они напоминали о тех днях, когда их домочадцы любили смотреть на море из окон и с балконов своего дома.

Из этого переплетения материального и духовного разложения богохульные крики на сотнях диалектов возносятся к небесам. Толпы воров, горланящих свои песни, шатались по узким темным улочкам и оживленным главным улицам. Услышав их, невидимые руки украдкой гасили свет и задергивали шторы, и смуглые, отмеченные печатью греха лица исчезали из окон, завидев таких гостей. Полицейские потеряли надежду на то, чтобы навести здесь порядок или как-то улучшить положение, и скорее уже искали возможность возвести барьеры, защищающие внешний мир от этого вредного влияния. Стук патруля обычно встречается мертвым молчанием, и такие нарушители при аресте никогда не бывают разговорчивыми. Явные правонарушения столь разнообразны, сколь и местные наречия, и включают целую гамму проступков и преступлений, начиная с контрабандного провоза рома и нелегального въезда иностранцев до увечий и убийств в самых отвратительных проявлениях. То, что эти видимые преступления не становились чаще, не делает чести этой округе и, скорее, является заслугой тех, кто обладает искусством укрывательства. В Рэд-Хук прибывает больше людей, чем покидает его, — по крайней мере, из тех, кто покидает его морским путем. Скорее всего, из Рэд-Хука уезжают те, кто не слишком словоохотлив.

Малоун находил в таком положении дел слабый намек на тайны более ужасные, чем любой из грехов, разоблаченных жителями и оплакиваемых священниками и филантропами. Как человек, соединивший воедино свое воображение и научные знания, он понимал, что современные люди, если они не будут соблюдать нравственные законы, имеют все шансы вновь вызвать в себе самые порочные инстинкты, тем самым опуститься в повседневной жизни до уровня примитивной полуживотной дикости и жестокости. Он часто с содроганием и любопытством антрополога смотрел на богохульствующих молодчиков, возвращающихся домой в темные предзакатные часы заплетающимися ногами и горланящих непристойные песни. Эти группы юнцов встречались постоянно: иногда они толкались на углу улицы, искоса и недобро посматривая на прохожих; иногда стояли у дверей домов с дешевыми музыкальными инструментами в руках и, наигрывая мрачные мелодии, а то дремали на ступеньках или рассказывали непристойные анекдоты, собравшись за столиками кафе около Барэ-Холла, порой вели тихие и неспешные разговоры возле такси, выстроившись в ряд возле высоких разрушающихся домов с плотно закрытыми ставнями. Они приводили его в уныние и одновременно в восторг, в чем он не осмеливался признаться своим сослуживцам. Ему казалось, что он видит в них чудовищную связь с тайной целостностью окружающего мира, некую дьявольскую, древнюю связующую силу выше всякого обычного человеческого понимания, которая была значительно важнее этой презренной

массы фактов, привычек, мест обитания, вносимых полицейскими в протокол с такой тщательностью и пунктуальностью. Его внутреннее чувство подсказывало ему, что они были наследниками некой отвратительной первобытной традиции, участниками потерявших свою первозданность древних празднеств, обрядов и ритуалов, которые были старше рода человеческого. Их связь и определенность предполагали то, что проявлялось в необычных намеках на порядок, скрывающийся за мерзкой личиной анархии и распущенности. Он не зря читал такие трактаты, как "Культ колдовства в Западной Европе" мисс Марей, и знал, что до недавних пор среди крестьян и скрытных людей сохранились ужасные сборища и вакхические оргии, дошедшие из нечестивых культов, предшествующих арийскому миру и нашедших свое отражение в таких популярных легендах, как "Черные мессы" и "Шабаш ведьм". То, что дьявольские следы древней урало-алтайской магии и культов плодородия сейчас полностью затерялись, он не мог даже предположить и часто размышлял о том, насколько древнее и страшнее самой худшей из всех сказок они в действительности могли быть.

Дело Роберта Свидама заставило Малоуна окунуться в гущу событий в Рэд-Хуке. Свидам вел замкнутый образ жизни. Это был образованный человек, отпрыск старинной, не очень состоятельной голландской семьи, жившей в просторном, но плохо сохранившемся особняке. Этот особняк был построен его дедушкой во Флэтбуше, когда та деревенька состояла всего из нескольких симпатичных коттеджей колониального стиля. В центре ее на холме возвышалась увитая плющом реформистская церковь с колокольной и обнесенным железным забором кладбищем с нидерландскими могильными плитами. В своем уединенном доме, расположенном в стороне от Мартенс-Стрит в окружении вековых деревьев, Свидам много читал и размышлял вот уже шесть десятков лет, за исключением тех десяти лет, когда он путешествовал по Старому Свету, а последние восемь жил отшельником, спрятавшись от посторонних глаз.

Он не мог позволить себе иметь слуг и редко принимал гостей, пребывая в полном одиночестве. Он тщательно избегал заводить дружбу с кем-либо, и встречал своих редких посетителей в одной из трех комнат первого этажа, которую он всегда содержал в порядке, — просторной библиотеке с высоким потолком, все стены которой были уставлены полками с обветшавшими книгами, написанными архаичным и тяжеловесным языком. Только один их вид вызывал отвращение. Но город разрастался и, в конце концов, поглотил эту деревеньку, ставшую районом Бруклина. Для Свидама это не имело никакого значения, так же как и он сам был абсолютно безразличен городу. Пожилые люди еще помнили его и приветствовали на улице в толпе прохожих. А для тех, кто поселился здесь недавно, он был не более, чем забавным стариком с дородной фигурой, взлохмаченными седыми волосами, коротко остриженной бородой, залоснившейся темной одеждой и тростью с золотым набалдашником. Малоун никогда не встречал его до тех пор, пока служебные обязанности не заставили его заняться этим делом, но слышал о нем как о действительно крупном специалисте по средневековым религиозным суевериям. Однажды он даже намеревался поискать быстро распроданную брошюру Свидама о "Каббале" и легенде о Фаусте, которую его друг как-то привел ему в пример.

Дело Свидама стало "делом", когда его единственные дальние родственники обратились в суд с официальным заявлением относительно состояния его психики. Этот

их поступок был неожиданным для всех окружающих, но он был предпринят только после длительных наблюдений и последовавшей затем неприятной ссоры. Он основывался на странных переменах в его речи и привычках, диких и безумных упоминаниях о приближающихся чудесах, а также о необъяснимых преследованиях со стороны жителей пользующегося дурной славой района Бруклина. С годами он становился все дряхлее. Своим жалким видом он напоминал настоящего нищего, рыскающего в поисках добычи. Время от времени оскорбленные его видом друзья встречали его на станциях метро либо слоняющимся без дела, либо сидящим на скамейке возле Бар-Холла и разговаривающим с незнакомцем подозрительной внешности. Когда он начинал говорить, то это было невнятное бормотание о беспредельных силах, которыми он якобы обладает. С видом знающего человека он повторял какие-то таинственные слова или имена: "Сефирот", "Асмодей", "Самаэль". При рассмотрении дела в суде вскрылось, что он использовал свой доход в основном на приобретение книг сомнительного свойства, ввозимых из Лондона и Парижа, и на содержание квартиры в подвальном этаже дома в районе Рэд-Хука. Там он проводил почти каждый вечер, принимая странных посетителей, включая хулиганов и иммигрантов, и, очевидно, проводил своего рода ритуальную службу за зелеными шторами закрытых окон. Детективы, которым поручили следить за ним, сообщали о необычных криках, песнопениях, а также топоте скачущих ног; они были поражены их исступлением и развязностью, несмотря на обычность сверхъестественных обрядов и оргий в этом опустевшем от пьянства районе. Однако когда дело дошло до огласки, Свидаму удалось сохранить свою свободу. Он откровенно признался в необычности своего поведения и в нелепости оборотов, которые он употреблял в речи и которые он приобрел из-за чрезмерной приверженности научным занятиям и исследованиям. По его словам, он был занят изучением традиций европейской культуры, что требовало самых тесных контактов с представителями различных наций — он должен был познакомиться с их песнями и народными танцами. А утверждение о том, что это тайное общество людей низкого происхождения жило за его счет, на что намекали его родственники, было совершенно беспочвенным. Как это ни печально, но все говорит о том, насколько ограниченным было их представление о нем и его занятиях. Одержав победу с помощью своих невозмутимых объяснений, он был беспрепятственно выпущен на свободу, а в адрес платных детективов Свидамов, Корлеаров и Ван Брунтов было выражено недовольство.

И вот тут-то делом занялись федеральные инспектора и полиция, в которой служил Малоун. Они следили за всеми действиями Свидама с большим интересом и во многих случаях помогали частным детективам. В процессе работы выяснилось, что новые дружки Свидама были самыми отъявленными и злостными хулиганами и преступниками. Они в основном жили на отдельных улицах Рэд-Хука, и, по крайней мере, треть из них была известными рецидивистами в том, что касается краж, беспорядков и нелегального въезда иммигрантов. В самом деле, было бы не лишним сказать, что круг знакомых старого ученого почти полностью совпадал с самыми худшими из организованных группировок, которые контрабандой провозили на берег неизвестное азиатское отребье, благоразумно выдворенное с острова Эллис. В перенаселенных трущобах Паркер Плэйс — переименованного с тех пор, — где у Свидама была квартира в подвальном этаже дома, выросло очень необычное поселение

безымянных узкоглазых людей, которые пользовались арабским алфавитом и которых решительно отказывалась признавать огромная масса сирийцев, живших на Атлантик-Авеню и вокруг. Их всех можно было выслать в связи с отсутствием каких-либо удостоверений личности, но воплотить все это в жизнь было не так-то просто — ведь никому не хочется иметь дело с Рэд-Хуком до тех пор, пока этого не потребует общественность.

Эти переселенцы посещали полуразвалившуюся каменную церковь, по средам ходили в танцевальный зал, возносивший ввысь свои готические арки возле самой отвратительной части порта. Вообще-то церковь была католической, но священники со всего Бруклина отказывались от нее, и полицейские соглашались с ними, когда слышали, какие крики доносились оттуда по ночам. Малоун, бывало, представлял себе, что до него долетают ужасные надтреснутые низкие звуки органа, скрытого глубоко под землей, когда церковь пуста и заключена во тьму, в то время как остальные наблюдатели содрогались от пронзительных криков и грохота, которые сопровождали службу.

Когда об этом спросили Свидама, он ответил, что, по его мнению, этот обряд сохранился со времен несторианства и пронизан шаманством Тибета. Большинство людей, предположил он, относились к монголоидной группе, язык которой ведет свое происхождение откуда-то из Курдистана, — и Малоун не мог не вспомнить, что Курдистан — родина Yezidis, последних из уцелевших персидских почитателей культа дьявола. Как бы то ни было, но вся эта суэта вокруг исследований Свидама подтвердила тот факт, что незаконные пришельцы потоком наводнили Рэд-Хук во все увеличивающихся количествах, проникая сюда морским путем в местах, до которых не доходили руки ни у таможенных чиновников, ни у портовой полиции. Они устремились в Паркер-Плейс и быстро рассеивались на холме, радушно принимаемые прибывшими сюда ранее другими обитателями этой округи. Этими приземистыми фигурами с характерными для подобного типа лица раскосыми глазами в нелепом сочетании с кричащей американской одеждой кишели улицы Рэд-Хука. Они пополнили и без того многочисленную армию бездельников и бродячих гангстеров Барэ-Холла. Наконец иммиграционные службы посчитали необходимым установить их численность, род занятий и источник появления в здешних местах, чтобы сообщить эти данные в иммиграционный Центр. Это-то задание и было поручено выполнить Малоуну по соглашению между федеральной и городской полицией и найти, по возможности, способ устроить на них облаву, окружить и сдать полиции. И когда он взялся за дело, то почувствовал, что находится на грани невыразимого ужаса, и потрепанная, нечесаная фигура Роберта Свидама представилась ему воплощением Сатаны.

В своей работе полиция пользуется разнообразными изобретательными методами. Посредством ненавязчивых, не бросающихся в глаза прогулок, тщательно продуманных якобы случайных разговоров, вовремя предложенного крепкого напитка во фляжке, вынутой из заднего кармана брюк, рассудительных диалогов с перепуганными арестованными Малоун узнал много интересных фактов об этом переселении, перспективы которого становились угрожающими. Вновь прибывшие действительно были курдами, но диалект, на котором они разговаривали, был неизвестен филологам. Те из них, кто сумел найти себе работу, были в основном рабочими в доке, хотя часто служили в греческих ресторанах и продавцами газет в киосках на углах улиц. Однако

основная часть их не имела явных средств к существованию. По всей видимости, они были связаны с "дном" общества и нашли там для себя занятия, из которых провоз контрабанды и тайная торговля контрабандными товарами были самыми безобидными. Они прибывали пароходами, очевидно, "дикого" плавания, украдкой выгружались безлунными ночами в гребные шлюпки, которые тайком прокрадывались под известной им пристанью и по скрытому каналу проплывали к тайному подземному водоему под домом. Малоун не мог определить с достаточной точностью ни эту пристань, ни канал, ни дом, так как память его собеседников и осведомителей чрезвычайно их подводила, речь же их была такова, что в ней не под силу было разобраться даже самым талантливым переводчикам. Не мог он получить и истинных сведений о причинах их переселения. Во время разговора они были весьма сдержанны, умалчивали о том, откуда приехали. Их трудно было заставить врасплох, чтобы выяснить, какие агентства занимались их переправкой в чужую страну. В действительности они испытывали нечто вроде щемящего страха, когда их обо всем этом спрашивали. Гангстеры из других группировок вели себя примерно так же, и самое большее, что можно было узнать от них, так это то, что некий бог или высокое духовенство посулили им неслыханные богатства, необычное величие и власть в чужеземной стороне.

Тщательно охраняемые ночные бдения у Свидама регулярно посещали как вновь прибывшие, так и бывалые гангстеры, и вскоре полиции удалось узнать, что бывший затворник арендовал еще несколько квартир, чтобы приютить тех гостей, которые знали его пароль. Свидам взял внаем полностью три дома, где постоянно находили себе убежище его сомнительные компаньоны. Он очень редко бывал в своем доме во Флэтбуше, навещая его только затем, чтобы поставить на место одни книги и взять другие. Вид у него был ужасающий. Глядя на его лицо, можно было сказать, что это лицо безумца, доведенного до иступления. Малоун пытался дважды побеседовать с ним, но всякий раз Свидам бесцеремонно отвергал все попытки. Он отвечал, что ему ничего не известно ни о каких бы то ни было таинственных заговорах, ни о переселении, что он не имея ни малейшего представления о том, как оказались здесь курды и чего они добиваются. У него во всем этом был один интерес: изучить фольклор иммигрантов, проживающих в этом районе. Он просит оставить его в покое. Незачем полиции беспокоиться об этом. Малоун высказал свое восхищение известной брошюрой Свидама о "Каббале" и других мифах. Старик смягчился, но эта реакция оказалась мимолетной. Ведь он воспринимал эту встречу как вмешательство в его дела и без колебания дал резкий отпор непрошеному гостю. Малоун нехотя ретировался. Пришлось искать другие источники информации.

Какой заговор раскрыл бы Малоун, продолжи он работу над этим делом, мы никогда не узнаем. Так уж случилось, что нелепый конфликт между городскими и федеральными властями приостановил расследование на несколько месяцев, во время чего детективу пришлось выполнять другие поручения. Но это не означало, что он потерял интерес к этому делу и не поражался тому, что стало происходить с Робертом Свидамом. Как раз в то время, когда волна похищений детей докатилась до Нью-Йорка, с безумным ученым стали происходить метаморфозы столь потрясающие, сколь и нелепые. Однажды его увидели неподалеку от Барэ-Холла с чисто выбритым лицом, аккуратно постриженным и в со вкусом подобранном безукоризненном одеянии. С тех пор с каждым днем в нем

происходили явные перемены к лучшему. Он по-прежнему выглядел безупречно, в глазах появился необычный блеск, а в голосе — решительность. Мало-помалу он начал избавляться от тучности, которая так долго портила его фигуру. Он теперь выглядел моложе своих лет. В его походке появилась упругость, а в манере вести себя — жизнерадостность и бодрость. Любопытная перемена произошла с его волосами: они потемнели, но ни в коем случае нельзя было подумать, что они крашенные. Проходили месяцы, он совершенно изменил стиль одежды, который становился все менее и менее консервативным, и в конце концов, поразил всех своих вновь приобретенных друзей тем, что отремонтировал и заново отделал свой особняк во Флэтбуше. Он устроил в нем несколько приемов, собрав в гости всех знакомых, кого только мог вспомнить. Но особое радушие он проявил к своим родственникам, которых полностью простил и которые совсем недавно искали возможность запрятать его в сумасшедший дом. Одни гости пришли из любопытства, другие — испытывая чувство долга, но все они были приятно очарованы любезностью и учтивыми манерами недавнего отшельника. Он заявил, что завершил основную часть намеченной им работы и, унаследовав состояние от почти забытого друга из Европы, намеревается провести оставшиеся годы жизни, приобретая вторую молодость благодаря покою, уходу и диете. Все реже и реже видели его в Рэд-Хуке, и все чаще вращался он в обществе, к которому принадлежал. Полицейские заметили любопытную вещь: гангстеры стали собираться у старой каменной церкви и танцевального зала вместо квартиры в подвальном этаже дома в Паркер Плейс, хотя и эта квартира, и позднее приобретенные дома кишели подозрительными людьми.

Затем произошли два инцидента — не одновременно, а через большой промежуток времени. Оба вызвали необыкновенный интерес, как считал Малоун. Во-первых, в "Eagle" появилось скромное и не бросающееся в глаза объявление о помолвке Роберта Свидыма и мисс Корнелии Джеритсен из Бей-сайда, молодой женщины с превосходным положением, дальней родственницы почтенного жениха. Во-вторых, городская полиция организовала облаву в церкви, в которой устраивались танцы, после сообщения о том, что в одном из окон подвального этажа церкви видели лицо похищенного ребенка. Малоун принимал участие в этой облаве, находясь внутри, тщательно осмотрел место. Ничего не было обнаружено — фактически в здании никого не было в это время, но восприимчивый кельт почувствовал смутное беспокойство, глядя на окружающую обстановку. Он увидел вульгарно расписанные панели, которые ему не понравились. Панели изображали лики святых, но с необычно мирскими, сардоническими выражениями. В изображениях были допущены такие вольности, одобрить которые даже мирянину вряд ли позволило бы внешнее приличие. К тому же ему не могла доставить удовольствие надпись по-гречески на стене над кафедрой священника. Это было древнее заклинание, на которое он как-то наткнулся в Дублине, еще в то время, когда учился в колледже, и прочитал его дословный перевод:

О, друг и спутник в ночи, ты, кто наслаждается лаем собак и пролитой кровью, кто бродит среди теней между могилами, кто жаждет крови и заставляет ужасаться смертного, Gorgo, Mortho, тысячеликая луна, смотри, благосклонно на наши жертвоприношения!

Заклинание заставило его содрогнуться, и опять вернулась к нему та смутная мысль о сходстве шумов, доносящихся из церкви, и ужасных, надтреснутых низких звуков органа,

как ему представлялось. Он вновь содрогнулся, обратив внимание на ржавчину на краю металлической чаши, стоявшей на алтаре. Остановившись, беспокожно огляделся по сторонам, когда ноздрей его коснулся необычный, отвратительный запах. Это зловоние встревожило его, не давая покоя, и он принялся осматривать подвал с особым усердием. Это место было ненавистно ему. Однако не были ли эти богохульно расписанные панели и подписи не чем иным, как невежественной выходкой, совершенной несведущими людьми?

К тому времени, когда должна была состояться свадьба Свидاما, похищение детей превратилось в настоящую эпидемию. Известия подобного рода не сходили со страниц газет. В основном жертвами становились дети низших слоев населения. Все возрастающее число исчезновений вызвало чувство неукротимой ярости. Газеты выражали свое недовольство и требовали от полиции более решительных действий. И опять полицейский участок на Батлер-Стрит направил своих людей на Рэд-Хук в поисках улики и для поимки преступников.

Малоун был очень рад, что опять попал на след, и чувствовал гордость за то, что участвует в обыске одного из домов Свидاما на Паркер Плейс. Там действительно не было обнаружено ни одного украденного ребенка, несмотря на рассказы о криках и красной ленте, якобы подобранной под окном подвального этажа. Но рисунки и непристойные надписи на облупившихся стенах большинства комнат и примитивная химическая лаборатория на чердаке убедили детектива в том, что он попал на след чего-то потрясающего. Рисунки были ужасными — отвратительные монстры всяческих видов и размеров и пародии на контуры человеческого тела и его частей, которые не поддавались описанию. Надписи были сделаны красным цветом с использованием изречений на самых разных языках: арабском, греческом, латинском, древнееврейском. Малоун не все мог прочитать, но то, что он все-таки сумел разобрать, было достаточно зловещим и каббалистическим. Один часто повторяющийся эпитафия был написан на смеси греческого и древнееврейского языков, наводя на мысль об ужасах сатанинских воскрешений духов времен александрийского упадничества:

"HEL. HELOYM. SOTNEJR. EMMANUEL SABAOTH. AGLA.

TETRAGRAMMATON. AGYROS. OTHEOS. ISCHYROS. ATHANATOS. I EN OVA.

ADONAI. SADAY. NOMOVSION. MESSIAS. ESCHEREHEYE".

Круги и пентаграммы неясно вырисовывались на каждой стороне и несомненно говорили о странных поверьях и стремлениях тех, кто так убого, по-нищенски жил здесь. Однако в подвале он наткнулся на удивительную вещь — груды слитков настоящего золота, небрежно прикрытую холстом. На блестящей поверхности слитков были начертаны те же таинственные иероглифы, которые украшали стены. Во время облавы обитатели комнат, жители Востока с раскосыми глазами, оказали весьма пассивное сопротивление. Они толпами выходили из каждой двери. Не обнаружив никаких улик, относящихся к делу о похищении детей, полицейские оставили все как было, но капитан полиции написал Свидаму послание, советуя ему поближе присмотреться к своим жильцам в связи со все увеличивающимся возмущением горожан.

Затем наступил июнь и принес еще одну сенсацию — свадьбу. В самый полдень во Флэтбуше царили радость и веселье. Разукрашенные по случаю автомобили загрохотали улицы возле старой голландской церкви. Огромный навес простирался от ее дверей до шоссе. Ни одно местное событие никогда еще не превосходило свадьбу Свидама — Джеритсен по общей роскоши и размаху. Лица сопровождавших жениха и невесту на пристань на Кьюнард были если не из самого фешенебельного общества, то во всяком случае из числа тех, кто достаточно высоко стоял на социальной лестнице. В пять часов новобрачные в последний раз помахали рукой, и огромный лайнер боком отошел от длинной пристани, медленно развернулся шtosом по направлению к морю и величественно поплыл навстречу открывающимся водным просторам, сулящим чудеса Старого Света. К ночи небо расчистилось, и загулявшие допоздна пассажиры могли любоваться звездами, мерцающими в темном небе над незагрязненным океаном.

Никто не может сказать, что первым привлекло внимание пассажиров: судно "дикого" плавания или громкий крик. Возможно, это случилось одновременно, но что толку вычислять это сейчас? Крик донесся из отдельной каюты Свидама, и матрос, взломавший дверь, возможно, мог бы рассказать нечто потрясающее, если бы сам тотчас же не сошел с ума. Его пронзительный вопль звучал громче, чем вопль первой жертвы. После увиденного он бегал по судну с глуповатой улыбкой на лице до тех пор, пока его не поймали и не надели наручники. Судовой врач, который вошел в каюту после матроса и включил свет, не сошел с ума, но никому не рассказал о том, что предстало его взору. И только позже поведал об этом Малоуну в своей переписке, когда последний находился в Чепачете. Это было убийство — удушение, но нет необходимости говорить, о том, что следы когтей на горле мисс Свидам не могли принадлежать ни руке ее мужа, ни какой-либо другой человеческой руке, или о том, что на белой стене вспыхивала на мгновение и гасла написанная омерзительным красным цветом надпись, которая будучи позднее восстановлена по памяти, кажется, была ни чем иным, как словом "Lilith" на вызывающем ужас халдейском языке. Но не стоит упоминать об этих знаках, так как они быстро исчезли. Что касается Свидама, то тут следует призадуматься. Доктор совершенно определенно заверил Малоуна, что видел ЭТО. Открытый бортовой иллюминатор — как раз перед тем, как доктор включил освещение — на секунду вспыхнул фосфоресцирующим светом, и в какой-то момент показалось, что в ночи по ту сторону иллюминатора эхом отдалось тихое, отвратительное, дьявольское хихикание. Но каких-либо реальных контуров глазу не было видно, В качестве доказательства доктор упоминает о том, что вполне здоров психически.

Затем все внимание переключилось на судно "дикого" плавания. От него отчаливали лодки, и вскоре целая орда смуглых и дерзких головорезов в офицерской форме наводнила временно остановившийся лайнер. Они требовали Свидама — живым или мертвым — так как знали, что он отправился в путешествие на этом судне и по известным причинам должен был умереть.

Капитанская палуба превратилась в ад крошечный. В какое-то мгновение между сообщением доктора и событиями в каюте и требованием прибывших людей даже самый мудрый и самый храбрый моряк не мог предположить, как следует поступить. Неожиданно старший из толпы, араб с отвратительным негроидным ртом, протянул

грязную, мятую бумагу капитану. Она была подписана Робертом Свидамом. Содержание ее было весьма странным.

"В случае неожиданного или необъяснимого несчастного случая или смерти, происшедшей со мной, пожалуйста, передайте меня или мое тело без каких бы то ни было возражений в руки предьявителя этой бумаги и иже с ним. Для меня и, возможно, для вас все зависит от безусловного согласия. Объяснение узнаете в свое время. Не подводите меня сейчас.

Роберт Свидам"

Капитан и доктор смотрели друг на друга, и последний сказал что-то шепотом. В конце концов они кивнули с беспомощным видом и повели непрошенных гостей в каюту Свидама. Доктор взглядом дал понять капитану, чтобы тот отвернулся, когда отпирал дверь каюты, чтобы впустить туда необычных моряков. Он не мог спокойно вздохнуть до тех пор, пока они шеренгой не вышли из каюты со своей ношей после долгой, по непонятной причине, подготовки. Ноша была завернута в постельное белье, и доктор был рад, что контуры тела не слишком отчетливо выступали. Так или иначе, тело передали за борт и отправили на судно, так и не сняв с него покров. Лайнер продолжил свой путь, а доктор и судовой гробовщик остались в каюте Свидама, чтобы сделать все необходимое и оказать последние услуги. И вновь доктор вынужден был скрывать и даже лгать о том, что здесь произошло. Когда гробовщик спросил его, зачем он стер следы крови миссис Свидам, тог пропустил вопрос мимо ушей. Не стал он указывать и на пустые флаконы на полочке, а также на запах в раковине, что свидетельствовало о торопливом избавлении от содержимого флаконов. Карманы тех людей — если они были люди — были набиты до предела, когда они покидали корабль. Через два часа весь мир по радио узнал-то, что должен был знать об этом невероятном случае.

В тот же июньский вечер, ничего не ведая о том, что произошло на пароходе, Малоун был поглощен делами в Рэд-Хуке. Казалось, необыкновенное возбуждение царило в этом районе. Жители были охвачены каким-то непонятным волнением. И будто предчувствуя нечто необычное, они толпились вокруг церкви, в которой устраивались танцы, и домов в Паркер Плейс. Только что исчезли трое детей — голубоглазые норвежцы — с улиц, расположенных неподалеку от Гауэнус. Ходили слухи о формировании некой группы крепких викингов из той части района. Малоун уже несколько недель побуждал своих коллег попробовать провести тщательный обыск. Наконец, движимые обстоятельствами, более очевидными для их здравого смысла, чем предположения дублинского мечтателя, они согласились нанести последний удар. Беспокойство и предчувствие чего-то зловещего тем вечером стало решающим фактором, и около полуночи рейдерская группа, состоящая из полицейских трех участков, нагрянула на Паркер Плейс и прилегающие улицы. Они колотили в двери, врываются в дома, выгоняли из освещенных свечами комнат и арестовывали невероятные толпища странных пришельцев в узорчатых рясах, митрах и других невиданных одеяниях. Многие были потеряны в этой суматохе, так как предметы торопливо прятались в случайные ниши, из которых исходил запах, внезапно притупленный воскурением острого фимиама. Повсюду была разбрызгана кровь, и Малоун был потрясен, когда увидел жаровню или алтарь, откуда все еще поднимался дым.

Ему хотелось быть в нескольких местах одновременно, и он решил направиться на квартиру Свидاما в подвальном этаже дома только после того, как связной сообщил, что полуразрушенная церковь — танцевальный зал полностью очищена. Квартира, размышлял он, должна содержать ключ к разгадке этого необычного культа, вождем которого несомненно был таинственный чернокнижник. С надеждой и ожиданием обыскивал он комнаты с затхлым воздухом, отметив про себя, что запах в них напоминает кладбищенский. Он с любопытством смотрел на книги, инструменты, золотые слитки и флаконы со стеклянными пробками, небрежно разбросанные повсюду. Откуда-то возник тощий черно-белый кот. Он скользнул между ногами Малоуна, сбив его с толку и перевернув на ходу склянку, наполовину заполненную красной жидкостью. Потрясение было столь сильным, что по сей день Малоун не был уверен в реальности происшедшего, но до сих пор представляет себе, как животное метнулось прочь с какими-то чудовищными превращениями и странными движениями. Затем он заметил запертую на замок дверь, ведущую еще ниже в подвал. Он поискал, чем ее отпереть. Рядом стояла массивная табуретка, ее жесткого сидения было более чем достаточно для старенькой двери. Появилась трещина, потом она увеличилась, вскоре поддалась вся дверь — но с другой стороны, откуда доносился рев ледяного ветра со всеми зловонными запахами бездонной ямы. Этот ветер обладал не земной и не небесной засасывающей силой, которая словно кольцом обвила его и потащила сквозь дыру в безмерные просторы, наполненные шорохом, завыванием и взрывами издевательского смеха.

Конечно, это был сон. И все доктора твердили ему об этом, а он ничего не мог доказать. В самом деле, лучше бы у него были эти доказательства. Тогда бы вид старых кирпичных трущоб и темнолицых людей не въелся ему так глубоко в душу. Но в тот момент все это было самым что ни на есть реальным. Ничего не могло вычеркнуть из его памяти те темные как ночь склепы, те огромные сводчатые галереи, по которым молча вышагивали исполинские, нечеткие фигуры с полусъеденными существами на руках, уцелевшие части которых пронзительно кричали, прося милосердия, или хохотали от безумия. Запахи фимиама и гниения, слившись в единое целое, образовали отвратительную смесь, а темный воздух буквально кишел расплывчатой, полувидимой массой бесформенных, элементарных созданий с глазами. Где-то плескалась, ударяя об ониксовые пирсы, темная липкая вода. Однажды раздался трепетный, звенящий звук маленьких колокольчиков, несшийся навстречу безумному хихиканию обнаженного, фосфоресцирующего чудовища, которое возникло в поле зрения, вскарабкалось на берег и крадучись взобралось на резной золотой пьедестал, стоящий на заднем плане.

Беспредельный мрак таил в себе огромные возможности, в которых — как можно себе представить — и лежит корень зла, способный поглотить города, целые нации и народности. Это не что иное, как наказание за всеобъемлющий грех. Мучимый, терзаемый дьявольскими обрядами, мрак начал свое шествие с оскалом смерти, чтобы разложить всех людей, превратить в нечеловеческие создания, слишком отвратительные, чтобы предать их земле. Здесь сатана творил свой вавилонский суд, и в крови чистого и безгрешного ребенка омывались прокаженные конечности фосфоресцирующей Lilith. Демон и дьяволы в образе женщин истошно воняли, восхваляя Гекату, а безглавые уродцы что-то мычали, обращаясь к Великой Матери. Козлы подпрыгивали под тонкие взвизги проклятой флейты, а Аегуранс нескончаемо гонялся

за уродливыми фавнами, прыгая во камням, будто непомерно раздувшаяся жаба. И Молох, и Иштар присутствовали здесь, в квинтэссенции всего этого проклятья стерлись границы осознания, и воображение человека было открыто для видения царства ужасов, и зло приобрело над ним безграничную власть. Весь мир и Природа были беспомощны перед этим зловещим мраком. Никакие знания и молитвы не могли противостоять той вальпургиевой ночи, которая наступила, когда ученый муж открыл тайну, давшую ему власть над темными силами бытия.

Неожиданно луч света вырвал из тьмы эти призраки, и до Малоуна донесся плеск весел на воде среди шума, издаваемого богопротивными существами, которых не должно быть в живых. Это была лодка с фонарем на носу, стрелой мчавшаяся к железному кольцу на покрытом слизью каменном пирсе. Из нее вышли на берег несколько человек со смуглой кожей. Они несли длинную ношу, закутанную в простыню. Они поднесли ее к обнаженному фосфоресцирующему чудовищу, восседающему на резном золотом пьедестале. Чудовище захихикало и коснулось ноши лапой. Затем они распаковали ее и прислонили к пьедесталу труп дородного пожилого мужчины с коротко остриженной бородой и нечесаными седыми волосами. Чудовище вновь захихикало, а прибывшие на лодке вытащили из кармана бутылочки с красной жидкостью, омыли его лапы, а потом дали ему отпить.

В то же мгновение из сводчатой галереи, уводящей в бесконечную даль, разнеслось демоническое грохотание и сопение омерзительного органа, задыхающегося от дьявольских насмешек и трескучих сардонических низких звуков в басах. В тот же момент каждое живое существо пришло в движение, славно наэлектризованное. Они тут же образовали ритуальную процессию. Вся эта кошмарная орда каким-то скольльзящим движением направилась в поисках звука — козел, сатир, Аегуран, демоны, дьяволы в образе женщин, лемур, скачущие лягушки, бесформенные элементы организма с глазами, ревун с собачьей мордой — во главе с гнусным фосфоресцирующим чудовищем, которое самодовольно сползло с резного трона и теперь с вызывающим видом вышагивало впереди, неся труп дородного старика с остекленевшими глазами. Странные темнокожие люди танцевали, замыкая процессию, и вся эта колонна скакала и подпрыгивала с дионисийской яростью и разгулом. Малоун, пошатываясь, прошел за ними несколько шагов в бреду или легком опьянении, сомневаясь относительно своего места в этом или каком-либо ином мире. Затем он повернулся, в нерешительности опустился на холодный сырой камень, тяжело дыша и вздрагивая, когда дьявольский орган рокотал, накликаая беду. Завывающий, стучащий, звенящий шум безумной процессии становился все слабее и слабее.

Смутно сознавал он представшие перед его глазами ужасы и отвратительное рокотание органа, доносящееся издалека. Время от времени сквозь темную аркаду до него долетал вопль или жалобный вой ритуальной процессии. В конце концов, перед его взором возникло то жуткое заклинание на греческом языке, которое он прочитал над кафедрой священника в церкви, где устраивались танцы.

"О, друг и спутник ночи, ты, кто наслаждаешься лаем собак (тут раздался отвратительный вой) и пролитой кровью (здесь послышались не поддающиеся описанию звуки, которые могли состязаться с отвратительным пронзительным скрежетом), кто

бродит среди теней между могилами (он услышал свистящий вздох), кто жаждет крови и заставляет ужасаться простого смертного (краткие, резкие вскрики из множества глоток), Gorgo, (вторится эхом), Мог то (повторяется в экстазе) тысячеликая луна (вздохи и звуки флейты), смотри благосклонно на наши жертвоприношения!"

Тут откуда-то снизу поднялся громкий крик, затем шипящие звуки почти заглушили потрескивающие низкие звуки органа. Затем послышалось затрудненное дыхание как будто из множества глоток и разноголосый шум. Лаяние и мычание слились в словах "Lilith, Великая Lilith, смотри на новобрачного!" И вновь крики и несмолкающий шум буйства и отчетливый звук шагов бегущей фигуры. Он приближался, и Малоун приподнялся на локте, чтобы разглядеть бегущего.

В склепе, недавно еще плохо освещенном, стало чуть светлее, и в этом дьявольском отблеске появилась быстро приближающаяся фигура того, кто не должен был бегать, чувствовать и вообще дышать, — окоченелый труп дородного старика с остекленевшими глазами. Теперь он уже не нуждался в поддержке, так как был оживлен дьявольскими заклинаниями только что завершившегося шабаша. После того, как он стремительно пронесся мимо, появилось обнаженное, хихикающее фосфоресцирующее чудовище, которому полагалось находиться на резном пьедестале, а вслед за ним, часто и тяжело дыша, вся остальная наводящая страх компания отвратительных созданий. Труп уходил от преследователей и, казалось, приближался к какому-то неизвестному ему объекту. Он напрягал каждый мускул своей прогнившей плоти, чтобы добраться до резного золотого пьедестала, чья магическая сила, очевидно, была очень велика. Еще один миг, и он достиг своей цели в то время, как бегущая по его следу толпа изо всех сил стремилась, как безумная, помешать этому. Но было уже слишком поздно, так как в этом последнем рывке они порвали свои сухожилия, — вся эта огромная, зловонная масса, барахтаясь, рухнула на пол, растекаясь как студнеподобная жижа. А труп с широко раскрытыми глазами это был не кто иной, как Роберт Свидам, — достиг своей цели и праздновал свой триумф.

Толчок был потрясающим, золотой пьедестал выдержал его. И в то время, как сам толкающий рухнул, превратившись в гниющее мокрое пятно на полу, пьедестал, который он толкал, зашатался, накренился и в конце концов свалился со своего ониксового основания в мутные воды, протекавшие внизу, сверкнув на прощание резными боками, перед тем как тяжело опуститься в невообразимую пучину преисподней. Но в тот же момент вся эта жуткая сцена начала постепенно растворяться и превратилась в ничто прямо перед глазами потрясенного Малоуна. И он упал в обморок посреди громоподобного грохота, который, казалось, уничтожил все зло на Земле.

Сон Малоуна, привидевшийся ему до того, как он узнал о смерти Свидама и событиях на лайнере, был самым любопытным образом дополнен некоторыми странными подробностями, имеющими отношение к делу, хотя это вовсе не основание для того, чтобы верить ему. Три старых дома на Паркер Плейс, которых не только коснулось разрушение, но которые, без сомнения, давным-давно уже прогнили, рухнули без каких-либо видимых причин, похоронив под своими обломками как полицейских, так и живших там азиатов. С обеих сторон потери были большими. Спаслись только те, кто находился в подвальных помещениях. Малоуну повезло, что он был в этот роковой момент глубоко под домом Роберта Свидама. То, что он действительно там находился,

никто не склонен был отрицать. Когда его нашли, он лежал без сознания на краю темной как ночь заводи среди груды обломков и останков человеческих тел. Он был почти неузнаваем, как и тело Свидама, находившееся в нескольких футах от него. Как выяснилось позже, именно здесь пролегал тот подземный канал, которым пользовались контрабандисты. Темнокожие матросы, снявшие с парохода тело Свидама, доставили его домой. Их самих так и не нашли. По крайней мере, их не оказалось среди опознанных, а судовой врач не был удовлетворен результатами работы полиции.

Очевидно, Свидам руководил контрабандными перевозками людей, так как канал, который вел в его дом, был одним из нескольких подземных каналов и туннелей, расположенных поблизости. Из дома туннель тянулся в подземную часовню, что располагалась под церковью, где устраивались танцы. В эту подземную часовню можно было попасть только через узкую потайную дверь в северной стене. Именно там было найдено нечто странное, необычное и ужасное. Там оказался рокошущий орган, а также просторная-сводчатая часовня с деревянными скамьями и необычным образом украшенный алтарь. Вдоль стен тянулись маленькие кельи, в семнадцати из которых — печально об этом говорить — были обнаружены одинокие узники в состоянии полного идиотизма, закованные в цепи. Среди них четыре женщины с грудными детьми, внешний вид которых вызывал неподдельную жалость. Эти малыши умирали вскоре после того, как их выносили на свет. По мнению докторов, это весьма милосердно. Никто из тех, кто осматривал их, кроме Малоуна, не вспомнил безрадостный и мрачный вопрос старого Дельрио: *"An sint unquam daemones incubi et succubde, et an ex tali congressu proles enascia guea?"*

Прежде чем каналы были заполнены водой, их дно было самым тщательным образом расчищено и углублено. При этом на дне оказалось поразительное количество распиленных и расщепленных костей всех размеров, были обнаружены следы похищения людей, хотя только двое из уцелевших узников могли так или иначе быть связанными с этим. Теперь они отбывают свой срок в тюрьме, так как попытка признать их виновными как соучастников убийств оказалась неудачной. Резной золотой пьедестал, так часто упоминаемый Малоуном и имеющий, по его мнению, первостепенное оккультное значение, так никогда и не был найден, хотя в одном месте под домом Свидама был обнаружен колодец, столь глубокий, что его невозможно было осмотреть. Он был перекрыт у отверстия и зацементирован, когда строили фундамент для новых домов. Малоун часто размышлял о том, что же покоится на его дне. Полиция, удовлетворенная тем, что разогнана столь опасная банда маньяков и контрабандистов, передала федеральным властям дело о признанных невиновными курдах, перед высылкой которых была убедительно доказана их принадлежность к клану почитателей дьявола. Судно "дикого" плавания и его команда так и остались нераскрытой тайной, хотя циничные детективы вновь готовы бороться с контрабандным провозом людей, товаров, спиртных напитков и с прочими рискованными предприятиями. Малоун считает таких детективов людьми ограниченными, так как их не удивляет множество необъяснимых деталей и наводящая на размышления неясность всего случившегося. Следует отметить, что он критически настроен и в отношении газет, которые видели во всем этом только нездоровую сенсацию. Но он довольствуется тем, что мирно отдыхает в Чепачете, чтобы время постепенно стерло в его памяти все то страшное, что он пережил.

Роберт Свидам покоится рядом со своей женой на кладбище в Гринвуде. Не было приличествующей случаю похоронной процессии, и родственники почувствовали благодарность и облегчение, когда дело это быстро забылось. Связь старого ученого со всеми теми ужасами, которые творились в Рэд-Хуке, так никогда и не была юридически доказана, ведь его смерть опередила то расследование, которое должно было начаться и с которым бы он неминуемо столкнулся. О его кончине редко упоминалось, и Свидамы надеются, что последующие поколения смогут вспоминать его только как тихого отшельника, занимавшегося безвредной магией и фольклором.

Что касается Рэд-Хука, то он остался таким же, каким и был. Свидам был, и Свидама не стало. Все жуткие события сгустились и постепенно сошли на нет, но зло, дух тьмы, убожества и нищеты все еще витает среди обитателей старых кирпичных домов. Подозрительные личности все так же рыщут по улицам, озабоченные своими темными делами, мимо окон, в которых по непонятной причине то появлялись, то исчезали свет и искривленные лица. Извечный ужас — его гидра с тысячью головами, а культы тьмы уходят корнями в богохульства более глубокие, чем колодец Демокрита. Сатанинский дух вездесущ и победоносен, и множество юнцов из Рэд-Хука с затуманенным взором и прыщавыми лицами все так же продолжают свое дело, шествуя друг за другом из пропасти в пропасть — никто не знает, откуда и куда, — побуждаемые таинственными законами биологии, которых они никогда не смогут понять. А что касается остальных дел, то по-прежнему больше людей прибывает в Рэд-Хук, чем покидает его. Ходят слухи, что прорыты новые каналы под землей и бывшие связи возобновились.

Церковь, в которой устраивались танцы, теперь снова превратилась в танцевальный зал, и странные лица вновь мелькают в окнах по ночам. Недавно один полицейский высказал мысль о том, что засыпанную подземную часовню следует вновь раскопать с целью, которую не так-то просто объяснить. Кто мы такие, чтобы бороться с тем, что древнее истории и человечества?

Малоун перестанет содрогаться беспричинно — только на днях он случайно услышал, как отвратительная косоглазая ведьма учила чему-то ребенка в тени тихого внутреннего дворика. Он прислушался, и до него долетели слова, что малыш повторял за ней снова и снова:

О друг и спутник в ночи, ты, кто наслаждается лаем собак и пролитой кровью, кто бродит среди теней между могилами, кто жаждет крови и заставляет ужасаться простого смертного, Gorgo, Mortho, тысячеликая луна, смотри благосклонно на наши жертвоприношения!

*Перевод: А. Сырова
1993 год*